

ВОСПОМИНАНИЯ

С. А. Панарин

Панарин Сергей Алексеевич (Москва, Россия) — кандидат исторических наук, заведующий отделом стран СНГ Института Востоковедения РАН, главный редактор ежеквартального научного журнала «Вестник Евразии/Acta Eurasica». E-mail: sergpanar@mail.ru

КУРИЦА НЕ ПТИЦА? ВОСПОМИНАНИЯ О
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ

Монголия вошла в мою жизнь в июле 1974 года, когда я, лаборант Института археологии АН СССР, впервые принял участие в работе СММКЭ — Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. После этого я ездил в неё практически ежегодно до 1990 года, проведя в Монголии 15 полевых сезонов продолжительностью от месяца до двух, т. е. всего около полутора лет. Собственно-го научного интереса у меня в Монголии не было, поскольку с 1976 года я поменял свою научную специализацию и место работы: стал аспирантом, затем сотрудником Института востоковедения. Но каждый отпуск я работал лаборантом в археологическом отряде СММКЭ, соединяя функции раскопщика (когда не хватало рабочих рук), художника (когда надо было копировать вещи из редких неграбленных погребений¹, или оленные камни² и петроглифы³) и повара-любителя (постоянно), по-

тому что, с первого приезда зачарованный Монголией сразу и навсегда, я каждое лето стремился снова попасть под её *өндөр хөх тэнгэр* — «высокое синее небо», подобного которому нигде нет.

СММКЭ завершила работу в 1992 году. В 2000 г. ушёл из жизни Виталий Волков, возглавлявший отряд по изучению неолита и бронзы, в котором я проработал все 15 сезонов, — человек, знавший Монголию, как мало кто ещё, и во многом открывший её для меня⁴; после 11-летнего перерыва я снова стал ездить в Монголию, где многое изменилось, — но новые впечатления не вытеснили старые и до сих пор жива память о форпосте социализма в Азии, о котором обыватели в СССР пренебрежительно отзывались: «Курица не птица, Монголия не заграница».

Многое можно было рассказать о той, ушедшей в историю, Монголии. Однако здесь я ограничусь воспоминаниями, более или менее отвечающими общей направленности данного номера журнала.

I

СММКЭ, начавшая работать в 1969 году, была, кажется, последней из числа организованных совместно АН СССР и АН МНР. В её состав входили три археологических отряда, а также эпи-

1 Когда погребальный комплекс хотя бы минимально возвышается над земной поверхностью, он виден всем, и потому еще в древности становился приманкой для грабителей. Археологам в разграбленных могилах в лучшем случае достаются то немногое, что грабители не заметили или проигнорировали. Когда же памятник не выражен в рельефе, не видят его и археологи. Богатейший по инвентарю Улангомский могильник, раскопанный при участии автора, был таким скрытым памятником, случайно обнаруженным при заборе грунта для ремонта дороги. О нём см.: [25].

2 Оленные камни (монг. цаа бугын чулуун) — тёсаные удлинённые плиты с выгравированными на них изображениями оленей с ветвистыми рогами и клювообразной мордой, датируемые концом бронзового — началом железного века. Их скопление в урочище Шатар-Чулуу — один из самых известных и эффектных археологических памятников Монголии (хотя встречаются и одиночные камни). О них см.: [2; 21].

3 Петроглифы или наскальные рисунки (монг. хадны или

чулуулгийн сийлбэр) — очень распространённый в Монголии вид изображений, высеченных на твердых породах (гранит, базальт) и датируемых временем от эпохи бронзы до средневековья. Археологическим отрядом под руководством В. В. Волкова были исследованы и описаны уникальные петроглифы в долине реки Чулут с древнейшими изображениями боевых колесниц. О них см.: [16; 17].

4 О нём см.: [6, с. 7–8; 18, с. 108–113].

ВОСПОМИНАНИЯ

графический, специализировавшийся на исследовании древнетюркских рунических надписей и погребальных комплексов, и этнографический. За время работы СМИКЭ был накоплен такой богатый материал по каждому из перечисленных направлений, что основывающиеся на нём тексты появляются и спустя четверть века после её окончания⁵. И это при том, что она была самой скромной по масштабам. Все её имущество умещалось в одном вагончике и, если не считать машин новосибирского археологического отряда, ежегодно прибывавших и убывавших своим ходом, располагала она всего тремя единицами автотехники, зимовавшими в Монголии: одной «легкой» (сначала ГАЗ-69, затем УАЗ-469) и двумя «тяжёлыми» (ГАЗ-66). Другие экспедиции — геологическая, палеонтологическая, биологическая — были куда многочисленнее и несравненно богаче по материально-техническому оснащению. В Улан-Баторе у них были целые автопарки. А когда мне однажды довелось занимать у завхоза палеонтологической экспедиции два литра спирта, он черпал их огромным половником из такого же по размеру бака, в каких в армии готовят первое на сотню с лишним душ.

Тем не менее, даже вместе взятые, академические экспедиции смотрелись сущей «мелкотой» на фоне СОТов – советских общестроительных трестов, в которых на рубеже 1970-х – 1980-х гг. трудились, по устным оценкам того времени, делавшимся в разговорах самими строителями, до 40 тыс. советских граждан. И на фоне частей советской 39-й армии общей численностью в 95 тыс. человек (с советниками) [22], размещённых преимущественно ближе к границе с КНР, но своими штабными и логистическими структурами мощно проросшими и в пространство монгольской столицы. С большинством специалистов и офицеров жили их семьи и дети, соответственно, для них были созданы школы и поликлиники, детсады и магазины, клуб и Дом советской науки и техники. Пространство Улан-Батора было испещрено дома-

ми, выведенными из-под монгольской юрисдикции: одних только принадлежавших 39-й армии зданий и сооружений, в начале 1990-х переданных монгольской стороне, набралось 354!⁶ Во всех обслуживающих строителей и армию учреждениях тоже работали советские люди. Неудивительно, что целые микрорайоны столицы — 13-й, 14-й и 15-й — были целиком заселены советскими строителями и военными⁷. Масштабы присутствия русских / советских в Улан-Баторе впечатляли сразу: когда я в первый раз шёл по его главной улице *Энх тайвны гудамж* (Проспект Мира), мне порой казалось, что соотечественников на ней больше, чем монголов. Представители прочих социалистических стран, если и попадались, то, наоборот, столь нечасто, что сразу бросались в глаза. А ведь помимо Улан-Батора, концентрировавшего основную массу иностранцев, были ещё и военные городки, по числу обитателей подчас превосходившие сомонные, а то и аймачные центры⁸; и были ещё два города на севере страны, построенных при активном участии стран СЭВ: Дархан и Эрдэнэт. В особенности во втором в изобилии мелькали европейские лица, в массе своей опять-таки русские. Сам я до 1991 года ни в одной европейской стране не был, но, по словам других участников СМИКЭ, побывавших в соцстранах, там такого количества советских граждан не наблюдалось. В одном Улан-Баторе их счет шёл на десятки тысяч. Всего же за годы существования мировой социалистической системы в Монголии, согласно промелькнувшей в одном из научно-популярных журналов оценке, в командировках разной длительности побывали от полутора до двух миллионов советских специалистов⁹. Это больше всего населения Монголии в 1962 году — году её вступления в СЭВ¹⁰.

6 Подсчитано по: [19].

7 Есть специальное исследование о них: [11].

8 В административном делении Монголии аймак соответствует российской области, сомон – району.

9 Кажется, это был журнал «Наука и жизнь» конца 1980-х – начала 1990-х годов, но я не уверен, поэтому не могу дать ссылку.

10 Тогда численность её населения составляла 1 млн 011 тыс. человек. См.: [15].

5 Только в Списке трудов СМИКЭ, опубликованных до 1983 г., содержатся 203 названия (см.: [5, с. 224–232]. Об итогах работы СМИКЭ см.: [7, с. 30–35; 23, с. 128–136].

ВОСПОМИНАНИЯ

Вообще в то время, когда я работал в СМИ-КЭ, в самом облике страны явственно отразились три особенности её положения в мире. Особенность первая: Монголия служила своего рода витриной достижений СЭВ — зримым воплощением эффективности планирования и сотрудничества, направленных на подтягивание отстающего «собрата» до общего уровня. Этой цели служила специальная Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В её рамках в Монголии была действительно сделано немало, хотя реально впечатляли скорее отстранённые пространственные, чем реально доступные вещные доказательства этого. Более всего впечатляли упоминавшиеся Дархан и Эрдэнет. Первый был построен в 1960-х годах при участии Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, ГДР и Болгарии как крупный многопрофильный промышленный центр со своей ТЭЦ, второй, заложенный в 1973 году, вырос при крупнейшем в мире медно-молибденовом комбинате [8, с. 16, 538 – 540, 547 – 548; 13; 20; 24].

Особенность вторая: монгольская «витрина» была развёрнута в сторону развивающихся стран Азии и Африки — им должна была доказывать возможность успешного построения социализма, минуя капитализм. Монголия на деле могла многим гордиться, например, статистикой образования и здравоохранения, или ухоженным каменным Улан-Батором, окруженным, увы, широким кольцом дощато-войлочных трупп *гэр хороолол* (букв. юрточный квартал)¹¹. Лично меня впечатляли отряды пионеров, бодро вышагивавших по улицам и своим задорным видом, смехом и звонками песнями свидетельствовавших о счастливом детстве и полноте социального оптимизма в обществе в целом. «Витринность» страны демонстрировали средства наглядной агитации. Так, внимание гостей Улан-Батора обязательно привлекало красочное панно на стенах домов в центре города с изображением всадника в национальной одежде и

с национальным флагом в руке. На своём мастерски нарисованном коне он перескакивал с сомнительной желтой полосы через однозначно нехорошую чёрную на бесспорную красную. Чтобы всё было понятно, по чёрной полосе была пущена надпись-лозунг *Капитализмыг алсгач...* («Минуйа капитализм!»)¹².

Наконец, не сразу, постепенно, но и в повседневности становилось заметным особое геополитическое положение Монголии, зажатой между двумя гигантскими и крупно поссорившимися столпами соцсистемы — СССР и КНР. Повсюду в Улан-Баторе были разбросаны следы относительно недавнего присутствия Китая: красивый каменный мост через реку Толу, ряд жилых домов на *Энх тайвны*, крупнейший в столице универмаг *Их дэлгуур* и гостиница *Баянгол*, в которой мы не раз останавливались, возвращаясь «с поля». При виде их рано или поздно начинал осознаваться контраст между построенным китайцами и их практически полным физическим отсутствием. Даже окруженное садом и каменным забором широко раскинувшееся китайское посольство, мимо которого я не раз проходил, направляясь «на охоту» в книжный магазин «Военторга», казалось необитаемым... Под давлением СССР жившие в Монголии во множестве китайцы почти все, — включая и тех, кто обосновался здесь задолго до победы в Китае социалистической революции, — вынуждены были её покинуть. Между тем, по воспоминаниям Виталия Волкова, попавшего в Монголию в семилетнем возрасте, в 1940-е годы в столице было полно китайских торговцев, содержателей бань, подпольных борделей и т. п., а в 1950-е к ним в ещё большем числе добавились китайские рабочие. Некоторые злоязычные русские даже язвили: мол, то было золотое время для монголов: рабочий — китаец, инженер — русский, а монголу только и оставалось, что служить *даргой* (начальником). Когда же китайцев не осталось, пришлось монголам осваивать физическую работу в промышленности и строительстве. Вряд ли это утверждение

11 Внешне это лабиринт заборов, разгораживающих небольшие участки голой земли с отапливаемой углём юртой и хозяйственными постройками, часто со скотом, но без водопровода и канализации.

12 Панно воспроизводило рисунок на марке, выпущенной в апреле 1964 года к 40-й годовщине Конституции МНР. См. по: [9].

ВОСПОМИНАНИЯ

полностью соответствует действительности, но некоторые её черты оно передаёт точно. Традиционные скотоводы рано и блестяще освоили «железного коня» — автомобильный транспорт, быстро нарастили управленческие и научные кадры¹³ и лишь затем более или менее массово пошли в промышленность и растениеводство. Последней же сферой занятости, в которую они устремились, стало строительство; но после Демократической революции и последовавшего за ней широкого открытия страны для въезда и выезда, многие строители прибыли из-за рубежа — те же китайцы и даже, как я убедился лично, мигранты с Украины.

II

Когда по окончании полевого сезона вечером, а то и ночью мы возвращались в Улан-Батор, огни его казались призывным морем света, а люди на улицах — сплошь красивыми, чисто одетыми, всем довольными и вполне современными горожанами. Улыбка и смех и тогда, и теперь куда чаще гостили и гостят на лицах жителей монгольской столицы, чем на лицах москвичей, да и жителей любого крупного советского / российского города. Помимо иной культуры общения, огромную роль тут играла и играет возрастная структура населения. В его составе до сих пор преобладают люди в возрасте до 30 лет, сохраняющие жизнерадостность молодости¹⁴. Они задают тон улице, формируют её микроклимат — и, если сам не стал с возрастом брюзгой, в этом микроклимате, да ещё под ярким солнцем и синим небом, почти всегда чувствуешь, что «жизнь хороша и жить хорошо». В действительности, конечно, это настрой скорее туриста, командировочного, ненадолго избавлен-

ного от сонма собственных забот, поджидающих его дома, чем постоянного жителя, от забот даже временно не освобождённого. Хватало ежедневных жизненных проблем и монголам-горожанам

На сторонний взгляд главной представлялась проблема тотального товарного дефицита. По сравнению с полками уланбаторских магазинов полки московских могли сойти за оазисы изобилия. Очень бедно выглядели магазины продовольственные: *Гоймон* (марка фабричной лапши), мясо и молоко (не всегда и не везде и никогда без очередей), *борцаги* (сваренные в кипящем жиру кусочки теста), соль, сахар, мука, спички, дешёвые конфеты, кое-какие неаппетитные консервы — вот, пожалуй, и весь их повседневный товарный ассортимент в середине 1970-х. Позже стало только хуже. Мясо всё чаще привозилось от родственников из *худоны* (т. е. из сельской местности), как и немалое количество молочных продуктов домашнего изготовления типа *арула* — кислого, до железной твёрдости высушенного на солнце творога. По сути, заработала неформальная сеть страхующих связей «деревня — город», хорошо известная по развивающимся странам [4, с. 275 – 351]. Сельская сторона поставляла продукты животноводства, городская — оказывала разного рода помощь аратам и их детям при устройстве на работу, в поисках жилья, при поступлении в вуз и т. д. Только благодаря этой сети и обеспечивалось нормальное воспроизводство охватываемых ею семей; если кто-то по каким-либо экстраординарным причинам из неё выпадал, шансы такого несчастливца на достойное выживание — а то и просто на выживание — резко падали. Что касается СЭВ, то его присутствие в сфере продовольственного обеспечения вообще не ощущалось. За одним исключением: пивовары из Чехословакии наладили в Улан-Баторе производство бутылочного пива, по своим вкусовым качествам намного превосходившего напиток, выдававшийся за пиво в СССР. И в отличие от некоторых других плодов сотрудничества, со временем пришедших в упадок — такая судьба постигла, например, артезианские колодцы, оборудованные теми же чехами на летних пастбищах во многих сомонах — этот плод так

13 Было высказано мнение, что быстрому появлению в Монголии слоя людей, выполняющих чиновничьи функции, благоприятствовало особое сочетание устной скотоводческой и письменной буддистской традиции [10, с. 29–30]. На мой взгляд, здесь, как и в Британской Индии, где брахманская среда быстро обеспечила колониальную администрацию управленческими кадрами нижнего и отчасти среднего звена, главную роль сыграли полученные в монастырских школах навыки спекулятивного мышления.

14 В 1975 г. на долю лиц обоего пола в возрастной группе 0–24 года приходилось 62,4% всего населения Монголии, в 2010 г. — 48,7%. Подсчитано по: [12; 15].

ВОСПОМИНАНИЯ

и не завял до конца социализма.

Ещё одним реальным результатом можно считать производство дублёнок на кожевенно-меховой фабрике в Дархане. Дублёнки эти были тёплые и вполне приличные по внешнему виду. Единственным их недостатком были часто встречающиеся на овчине темные пятнышки — следы прокусов, оставленных убойной силы жвалами местных оводов. Но в отличие от пива, которым, если не зевать, можно было запастись почти каждый день, дублёнка являлась квинтэссенцией дефицита. За все годы работы в СМИКЭ мне так и не удалось её купить, а когда Виталию понадобилась новая дублёнка для дочери, разрешение на покупку он получал от министра финансов.

Мне трудно судить, как обстояло дело с непродовольственными товарами, поскольку большую часть времени в Монголии я проводил вдали от любых магазинов. В тех монгольских квартирах, в которых я побывал, можно было увидеть и румынскую мебель, и советские телевизоры, и чешский хрусталь. Что продавалось более или менее повседневно в Их дэлгууре, сейчас уже и не вспомню, но с уверенностью могу утверждать, что по ассортименту и качеству ширпотреба в нём уступал аналогичным изделиям, которые можно было относительно свободно купить в Москве. Из того, что делалось в самой Монголии, внимания советских потребителей удостаивались, помимо дублёнок, пожалуй, только толстые и прочные ковры с национальным орнаментом да красочные почтовые марки (впрочем, печатались они за границей — в Чехословакии, Венгрии, СССР). Много чего — от шапок из меха степной лисицы *корсака* до настоящего антиквариата можно было купить на окраине города, на колоссальной толкучке в Амгалане; но, возвращаясь в епархию социалистической торговли, придётся признать, что по уровню товарной скудости Монголия заметно опережала европейские страны СЭВ и даже СССР. Если же говорить об импорте из этих стран в Монголию, то он, либо сразу уходил в зону нерыночного распределения, либо настолько уступал по объёму советскому экспорту, что просто был незаметен в тени последнего. Скорее же всего, имело место то и другое.

III

Моё собственное потребление в Монголии определялось, с одной стороны, личными предпочтениями, с другой — номенклатурой и инфраструктурой торговой сети. Мне удалось купить радиоприёмник ВЭФ-10, который был практически недоступным в Союзе из-за того, что хорошо ловил вражеские голоса. Ковёр везти было хлопотно, надежду приобрести дублёнку я оставил быстро, модная одежда не интересовала, благо я, как и другие советские специалисты, мог обратиться с экономленными тугриками в чеки «Союзпосылторга» и с ними отовариться в Москве, в магазинах «Берёзка». Главная отрада была в другом: нигде в социалистические времена нельзя было так отвести душу, истосковавшуюся по хорошему, как в книжных магазинах Монголии.

Сейчас Интернет и планшеты стремительно вытесняют печатную книгу, и в то же время переводится, издаётся и продаётся практически всё из заслуживающего того классического наследия и из современной литературы. Поэтому человеку, не заставшему времена книжного дефицита, трудно себе представить чувство восторга, охватившее меня, когда я впервые вошёл в Улан-Баторе в книжный магазин с большим отделом советской книги. В моей библиотеке доля книг, привезённых из Монголии, до сих пор высока — примерно пятая часть всей имеющейся в ней художественной литературы. Именно в Улан-Баторе я свободно купил некоторые книги, которые днём с огнём было не достать в Москве, например, впервые тогда у нас изданного «Человека без свойств»¹⁵. Но сразу надо сказать, что «Человек» или, скажем, первое издание первой части «Властина колец» достались мне тогда легко потому, что никто из продавцов и большинство покупателей просто не знали, что это такое. Когда же книга пользовалась спросом, рассчитывать можно было на удачу (зашёл — только выложили), на умение подольститься в продавщице (чтобы достала из-под прилавка отложенное для «своих»), либо на блат. По первой модели было куплено немало, второй удалось воспользоваться лишь раз, когда суровая монголка уступила мое-

¹⁵ Имеется в виду издание: [14].

ВОСПОМИНАНИЯ

му нитью и вынула двухтомник Шукшина, единственная же моя попытка реализовать третий вариант заслуживает отдельного разговора.

Не помню, когда точно, но, по-моему, в самом конце 1970-х годов в гостинице «Баянгол» открылся бар. Сейчас такое событие будет замечено разве что случайно увидевшим новую вывеску проходим; но тогда, в «витрине», да ещё в самый разгар застоя, то было просто эпохальное событие. В баре, как и положено, была стойка, за которой двое сменявших друг друга молодых монголов-барменов готовили коктейли с напитками «оттуда». Освещение было тоже, как положено — то мелькающим, то интимно приглушённым; звучала популярная западная музыка. Присутствовали и красивые местные девушки, готовые осчастливить изголодавшихся по сексу иностранцев за плату, при сильном желании приемлемую даже для вечно экономившего советского специалиста. Расценками, да и отношением они выгодно отличались от товаров по профессии, подвизавшихся в другом баре Улан-Батора в одноименной гостинице. (Пользуясь жаргоном сайта Dosug.com, можно сказать, что красавицы из «Улан-Батора» были сплошь валютными «цифрами», то бишь профессионалками высокой пробы, тогда как среди трудившихся в «Баянголе» имелись и бюджетные «аналоги» — девушки не столь квалифицированные, но более «душевные».)

Нечего и говорить, что попасть в бары с улицы было далеко не просто, причём не только монголам, но и советским гражданам. Вдобавок на бар в «Баянголе» периодически совершали набеги советские военные патрули, выискивавшие там офицеров: тем путь в вертеп по определению был запрещён. Но постояльцы гостиницы могли свободно входить в бар через внутренний вход, благодаря чему я побывал в нём несколько раз.

Однажды я сидел там вместе с А., своим хорошим знакомым из монгольско-русской семьи, прекрасно владевшим обоими языками, и тот вдруг разглядел в полумраке свою родственницу с подругой. Познакомились, потом родственница пригласила нас к себе в гости. Я хотел уклониться, но А. шепнул мне, что я упущу колоссальный шанс, так как подруга, холёная монголка лет 35 с

царственным выражением лица, учившаяся в ГДР и потому почти не знавшая русского, не простая птица. Оказывается, она заведует всей монгольской книготорговлей и, если я ей понравлюсь, возможно, расщедрится на «Мифы народов мира», которые пользовались в Союзе огромным спросом и спекулянтами продавались по бешеной цене. Я дрогнул и поехал вместе со всеми в пустую квартиру, где нечем было закусывать взятый в баре итальянский вермут, а из музыкального сопровождения имелась одна-единственная пластинка «Бони М». Потоптавшись под неё в течение часа с каждой дамой по очереди, я почувствовал, что никакие мифы не стоят муки в сотый раз слушать Rios de Babilonia. Поэтому, когда Царица Книг, быстро, видимо, понявшая, с чего бы это случайный знакомый проявляет такое фанатическое пристрастие к Лиз Митчелл, спросила, с трудом подбирая слова, чего бы мне хотелось из её закровов, я гордо ответил: «Спасибо, ничего». И ретировался, сославшись на головную боль.

IV

Советские издания продавались в Монголии преимущественно в системе местной книготорговли; но был в Улан-Баторе и книжный магазин «Военторга», пользовавшийся, так сказать, правом полной экстерриториальности. И не только он обладал этим правом: я бывал в ещё одном военторговском магазине, продовольственном, который внёс огромный (не побоюсь этого слова) вклад в дело подрыва монгольско-советской дружбы.

В других советских продовольственных магазинах мы отоваривались перед выездом в поле необходимым — закупали тушёнку, соль, сахар, чай, макароны, крупы, муку, картошку, лук, чеснок и т. д. В «Военторге» же заезжали за деликатесами — свежими апельсинами или вкуснейшими плодоимпортовскими¹⁶ соками и компотами из абрикосов и вишни. Вход в этот магазин должен был осуществляться по пропускам, т. е. в теории предполагался типичный советский ведомствен-

16 Высококачественная продукция объединения «Союзплодоимпорт», практически полностью уходившая за пределы СССР на экспорт, а также в магазины для советских специалистов, работающих за рубежом.

ВОСПОМИНАНИЯ

ный распределитель дефицитных благ. На практике же действовал выраженный расовый принцип отбора: европеоидов пускали практически всех, монголоидов — только обладавших пропусками. Возникало ощущение, что ты попал в какой-то империалистический сеттлмент где-нибудь в Шанхае 1930-х годов. Особенно сильным оно стало к концу 1980-х, когда в монгольских продмагах вообще уже ничего не осталось, кроме «Гоймона» да спичек, и матери стали посылать к «Бункеру» детей с бидончиками, зачастую совсем маленьких, чтобы те просили советских дяденек и тетенок купить для них молока. И не раз приходилось видеть, как входящие в «Бункер» русские не просто игнорировали эти просьбы, а ещё и возмущались, что монголы хотят «внаглую туда прорваться»¹⁷. А женщин вдобавок раздражало, что им приходится идти сквозь строй **не очень чистых** попрошаек.

О, этот маркер чистоты, столь удобный для деления на «нас» и «их» и для обоснования, пусть даже неявного и не рефлекслируемого, превосходства «нас» над «ними»! До каких же символических высот он порой возносился русскими в Монголии! Подобно вечно страшащему его адептов микробу, он проникал даже в неприхотливую экспедиционную среду, причём поражал в ней не столько «науку», сколько водителей. Работая постоянно в автопарке АН СССР, они в массе своей имели большой экспедиционный опыт, который, казалось бы, должен был развить в них адаптивность к природной и социокультурной среде, отличной от той, к которой они социализировались. Действительно, встречались водители, в том числе и среди работавших в СМИКЭ, прекрасно в эту среду вписавшиеся. Возраст и образование в данном случае решающей роли не играли. Не рискуя выводить какое-то общее правило, но уже задним

числом у меня сложилось впечатление, что главным было общее отношение к миру. Если оно было позитивным, человек и немолодой, и с неполным средним образованием не просто пользовался монгольским гостеприимством, но, во-первых, старался научиться сопутствующему этикету, во-вторых, отвечал тем же. Он принимал как должное и монгольское любопытство, по российским меркам, что уж скрывать, докучное, и некоторые для нас экзотические особенности монгольской гигиены в худоне (например, маленьким детям никто не вытирал сопки, и они так и ходили с загустевшим украшением под носом), и предельную рациональность бытового поведения монголов. То есть он не возмущался, когда работавшие с нами монгольские мальчишки пускали по утрам звонкую струю метрах в трех от своих палаток, лапшу и чай варили в одном казане и мыли этот казан отнюдь не тщательно. Зачем, если его до блеска вылижет собака из ближайшего *гэра* (юрты) да прокалит жгучее монгольское солнце, в сухом разреженном воздухе высокогорья убивающее всех микробов? А самое, может быть, главное, он принимал монгольскую кухню, во многих отношениях отличную от кухни советской / русской. Он мог — пусть даже без удовольствия, но и не корёжась от плохо скрываемого отвращения, — съесть и выпить всё, что ему предлагалось в юрте гостеприимными хозяевами — будь то подсолённый, отлично утоляющий жажду и подкрепляющий *суты цай* (сваренный с молоком чай), шибаящая в нос запахом сыворотки молочная самогонка, *урюм* (восхитительные, на мой вкус, пенки из ячьего молока), или мясо, сваренное всего за 10–12 минут и потому сохраняющее все витамины и микроэлементы, попавшие в него из трав, которыми кормился баран, но, мягко говоря, нередко жестковатое, так что и сами монголы с их восхитительными зубами подчас едят его с помощью острейшего ножичка, подрезая им кусочки у самых губ.

Типаж, противоположный только что описанному, сам себя усложнял жизнь. Если он был пуристом чистоты и при этом, работая с монголами, не любил или стеснялся готовить для себя отдельно, он переходил на сухомятку, успешно

17 Цитата из интервью, данного в 2007 г. А. Михалёву информантом, в 1980-х служившим в Монголии. Как видим, прошедшие годы не изменили у него восприятия Другого, свойственного жителю сеттлмента. Более того, опыт пережитого в России в годы тотального дефицита 1985 – 1991 гг. только утвердил его в правильности своей оценки («Потом, когда нас оттуда вывели, я понял, как хорошо было там: никаких проблем с тем, как достать продукты. Правильно их не пускали – всем не могло хватить»). См.: [11, с. 21].

ВОСПОМИНАНИЯ

зарабатывая гастрит. С одним таким водителем в возрасте около 50 лет я провёл недели две в чисто монгольском по составу археологическом отряде. Лапша и чай из одного казана меня устраивали и не повлекли за собой трагических последствий, М. же целыми днями сидел в кабине, жевал, когда проголодается, сухари (привёз из Москвы мешок) да периодически, когда я оказывался рядом, сетовал на бушующую вокруг антисанитарию. Но то был всё-таки относительно нетипичный случай: обычно отвержение «монгольского» под флагом чистоты не было тотальным, большинство водителей, включая, увы, даже некоторых «позитивистов», закидывалось на каком-то одном пункте, «его же не перейдешь». Так, пользовавшийся большой симпатией у монголов и сам к ним хорошо относившийся К., ну, никак не мог есть урюм, утверждая, что тот «псиной пахнет». А И., бывший любимцем женщин и сам большой их любитель, в целом адаптировавшийся в Монголии, совершенно исключал для себя возможность романа с какой-либо из работавших с нами симпатичных монгольских студенток. Основание: «они каждый день не подмываются». Оставалось только удивляться, как он просчитал, каждый день, или не каждый.

Повторюсь: субъектами большего или меньшего неприятия монгольского здесь выступали люди, которых сама их работа подталкивала к тому, чтобы принять это монгольское или хотя бы частично к нему приспособиться. Они ездили по поднятой на двухкилометровую высоту, пронизанной солнцем степи, всегда окаймленной то близкими, то далёкими хребтами; пересекали на своих машинах кристально чистые (но после дождей бурые от взвеси) горные речки; спали под небом, так густо усеянном звёздами, что казалось, будто они кем-то специально насыпаны. Почти всем им мир монгольской природы нравился, и это помогало сосуществовать с его хозяевами — с людьми, вместе с идеальной моделью адаптации к природе выработавшими тонкую и человечную культуру общения и именно поэтому всегда замечавшими — обычно не показывая этого — любые внешние проявления культурного превосходства. Но большинство-то советских и СЭВовских спе-

циалистов находились в иных условиях! Они почти безвылазно сидели при своих производствах, выбираясь в выходные за город, на рыбалку или на пикник, в лучшем случае пару раз в месяц. Да и то только летом и преимущественно в своей компании — без монголов или с монголами — коллегами по работе, приучившимся и по служебной необходимости, и просто по привычке к тому, что русские везде навязывают, пусть непроизвольно, свой стандарт чистоты, еды, питья, поведения. С другой стороны, что оставалось делать людям, отчуждённым от «амортизирующей» природной среды, как правило, не получавшим минимально необходимой информации о монгольской культуре до встречи с ней и во многом лишённым даже того суррогатного релакса, который был им доступен в Союзе? Ведь в массе своей они приезжали ради заработка и, приехав, быстро осознавали — или знали заранее, — что возможности потребления в Монголии таковы, что **по месту его обретения** заработок этот фактически утрачивает смысл. Только и остаётся переводить его в чеки и накопления, реализуемые по возвращении (машина, квартира, та же дубленка). Но тем самым и мощный потребительский стимул «работал против» Монголии, не подталкивал к вживанию и пониманию. Фактически люди были поставлены в условия — и первоисточник этих условий лежал в Союзе, в системе реального социализма — в значительной мере блокировавшие то и другое. Из красивой и своеобразной страны Монголия превращалась для многих из них в элементарное пространство временного пребывания, в этакую протянувшуюся на много километров сберкнижку, волнуемую только суммой вклада. Или — в ту самую курицу, которая не заграница, но золотое яичко снести может.

V

На самом-то деле Монголия **была** заграницей. Для въезда в неё надо было получать визу. Советского человека, совершившего в ней преступление, судили по монгольским законам, и отбывал он наказание в Монголии, если только не был человеком с влиянием и связями — тогда его «вытаскивали» в Союз. Монгольская таможня на выезде свирепствовала почище советской — без

ВОСПОМИНАНИЯ

разрешения можно было вывозить столь немного, что в конце концов многие решили, что нельзя ничего, и стали провозить скрытно всё. Русская речь из уст монголов звучала повсеместно в Улан-Баторе и часто — в аймачных центрах, городская интеллигенция старалась устроить своих детей в русскую школу — но носители этой речи, подчас более чистой, чем у коренных русаков, как и дети, окончившие эти школы, отнюдь не утрачивали ни монгольского языка, ни монгольской идентичности. Через русский они открывали себе окно в мир — но входили в него не русифицированными не пойми кем, а монголами, патриотами своей страны, иногда — и со временем всё чаще — антирусски настроенными.

Монголы высоко ценят и всегда так ценили свою государственность — вплоть до того, что безопасность в первую очередь и прежде всего они отождествляют с независимостью своей страны [1, с. 33 – 51; 3, с. 191 – 200]. Но в социалистические времена они постоянно ощущали некоторую ущербность этой государственности. В самом деле, как считать своё государство действительно независимым, в полной мере суверенным, если его внешняя политика ни на шаг не отклоняется от курса, предлагаемого великим северным соседом? Если сосед, все еще растрavляющий исторические раны многовековой давности, «внаглую» не даёт отметить восьмисотлетие со дня рождения создателя этой государственности? Если десятки тысяч людей иной культуры, присланных этим соседом, пребывают на территории Монголии в условиях, по набору обеспечиваемых ими благ недоступных громадному большинству «хозяев», к тому же культурой «хозяев» не интересуясь, а то и откровенно пренебрегая? Если эти «гости» пользуются определёнными экстерриториальными правами в самой низовой, базовой, первичной сфере жизни — в продовольственном потреблении и вдобавок немалая часть из них не умеет или даже не хочет скрывать своего чувства превосходства над «хозяевами»?

И если, наконец, в громадном материке, высылающем таких «гостей», бытует вполне добродушное представление возмнившего себя всемо-

гущим великана, что соседнее государство — это что-то такое... ну, не настоящее, вроде как шестнадцатая республика СССР?

Чем больше я ездил в Монголию, тем сильнее ее любил. И тем сильнее хотелось чуть ли не воспевать её красоты и говорить о её людях доброджелательно, несмотря на то, что далеко не с одними ангелами во монгольской плоти приходилось встречаться и что сложности межкультурного контакта и меня не обошли стороной. Но если что-то и напрягало порой в монгольских обычаях, монгольском общении, всё это рано или поздно отступало на второй план — и, рассказывая в Москве о Монголии и монголах, я куда больше хвалил, чем хулил. Однако рассказы эти сами по себе становились источником моего внутреннего недоумения, даже раздражения, поскольку провоцировали ответную реакцию, показывавшую, насколько непробиваема броня пошлых предрассудков, которой задолго до моих восторгов обросли скудные представления моих собеседников о Монголии. Как правило, в ответ на мои охи-ахи по поводу красоты горной, зелёной и под солнцем прямо-таки по-гриновски весёлой страны, я слышал в ответ что-нибудь в таком роде: «Да ну, там же всё желтое и унылое». Когда же речь заходила о монголах, я узнавал, что они: а) до сих кочуют = до сих пор дикие; б) редко моются = до сих пор дикие; в) ленивые = мы за них работаем, значит, сами они до сих пор опять-таки дикие.

Эти и подобные им перлы мне доводилось слышать и от людей, закончивших университеты. И постепенно в сознании моём стала укрепляться крамольная мысль, что советские / русские люди отнюдь не такие просвещённые интернационалисты, как твердила на каждом шагу пропаганда. Объединяя впечатления от слушателей здесь, в Союзе, с впечатлениями от соотечественников там, в Монголии, я приходил к выводу, что и знаменитый советский интернационализм, и не менее знаменитое русское добросердечие если и были, то сильно поизносились. Что стали они чем-то сугубо теоретическим и не выдерживают испытания жизненным опытом. Что лишь немногие искренние раде-тели обижаемых высокомерными wasp'ами (или,

ВОСПОМИНАНИЯ

говоря современным языком, пиндосами и либерастами) жителей Азии и Африки рискнули бы в описанной мной ситуации у «Бункера» вызвать недовольствие «своих» — взять из грязной ладошки смятые тугрики и бидон, чтобы налить в него молока для «них». Что мы, русские и советские, вполне себе люди обычные, от жителей других стран принципиально не отличающиеся. И может быть даже, доспехи стереотипов — негативных в отношении других, позитивных — по отношению к себе у нас потолще и расставаться с ними мы не хотим упорней, чем многие другие. Ведь они наперёд нам скажут о мире то, что потешит сознанием пре-

восходства — так что же любопытствовать насчёт чужих обычаев и норм, раз они заведомо хуже?

А монголы-то как раз очень любопытны ко всему неизвестному и новому, очень мобильны и адаптивны. Может быть, в этом заключается одна из главных причин того, что страна их, на мой взгляд, обогнала в своём развитии — в темпе и **содержании** перемен — застрявшего на нефтяной игле и упорно замораживающегося ностальгией по державности северного соседа. Но современная Монголия — это уже другой разговор, другая тема.

Литература

1. Батбаяр Т. Безопасность в языке, политической мысли и религиозной традиции монголов // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. С. Панарин. — СПб.: Интерсоцис, 2012. — С. 33 – 51.
2. Волков В. В. Оленные камни Монголии. — М.: Научный мир, 2002. — 248 с
3. Галиймаа Н. Представления о безопасности монгольских студентов (по материалам опроса студентов Монгольского государственного университета и технологии) // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. С. Панарин. — СПб.: Интерсоцис, 2012. — С. 191 – 200.
4. Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н. А. Симония. — М.: Наука, Глав. Ред. восточ. лит-ры, 1990. Ч. III. Взаимодействие и взаимовлияние города и деревни. — С. 275 – 351.
5. Древние культуры Монголии. Сб. ст. / Отв. ред. Р. С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 224–232.
6. Дэвлет М. А., Черных Е. Н. Памяти Виталия Васильевича Волкова // Волков В. В. Оленные камни Монголии. — М.: Научный мир, 2002. — С. 7 – 8.
7. Жуковская Н. Л. Основные направления советских этнографических исследований в Монголии // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия История. Филология. Философия. 1988. № 16. Вып. 3. — С. 30 – 35.
8. История Монгольской Народной республики. Изд. 3-е / Глав. ред. А. П. Окладников, Ш. Бира и др. — М.: Наука, Глав. ред. восточ. лит-ры, 1983. — 665 с.
9. Каталог «Михель», код MN 375. — URL: http://colnect.com/ru/stamps/stamp/242979-Horseman_with_flag-40_jaar_Constitution_of_the_Peoples_Republic...8%D1%8F (дата обращения: 15.08.2014).
10. Кучинский М. Тропик динозавра. Пер. с польск. Л. С. Малаховской. Послесл. С. А. Арутюнова. — М.: Наука, Глав. ред. восточ. лит-ры, 1982. — С. 29 – 30.
11. Михалёв А. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2 (40). — С. 7–28.
12. Монголия — Возраст — Общее население, оба пола, по широким возрастным группам. 0-14, 15-24 // Кноема. Мировой Атлас Данных. URL: <http://knoema.ru/atlas/%d0%9c... d0%b5-0-14; http://knoema.ru/atlas/%d0... d0%b5-15-24> (дата обращения: 23.08.2014).
13. Монголия (Монгольская Народная Республика) // Geography.SU (географо-этнографический справочник). URL: <http://geography.su/books/item/f00/s00/z0000049/st002.shtml> (дата обращения: 23.08.2014).
14. Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1–2. Пер. с немец. С. Апта. — М.: Худож. лит-ра, 1984.
15. Население Монголии // Countrymeters/ — URL: <http://countrymeters.info/ru/Mongolia/> (дата обращения 23.08.2014).
16. Новгородова, Э. А. Мир петроглифов Монголии. — М.: Наука, 1984.
17. Окладников А. П. Петроглифы Чулутын-гола. — Новосибирск: Наука, 1981.
18. Панарин С. Виталий Волков // Вестник Евразии. 2001. № 3 (10). — С. 108–113.

ВОСПОМИНАНИЯ

19. Перечень военных объектов высвобождаемых в 1991–1993 годах // Монголия (Монгольская вики-Энциклопедия). URL: http://mongol.su/wiki/index.php?title=%D0%9F%...1991-1993_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%85 (дата обращения: 23.08.2014).
20. Регионы Монголии. Дархан-уульский аймак // Legend tour. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/regions/darkhan-uul-aimag.shtm> (дата обращения: 22.08.2014).
21. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994.
22. Советские войска на территории Монголии // Монголия (Монгольская вики-Энциклопедия). URL: <http://mongol.su/wiki/index.php?title=%D0%A1%...D0%B8> (дата обращения: 23.08.2014).
23. Хакимова Э. О. Вклад Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в изучение бронзового и железного веков Монголии // Россия и АТР. 2013. № 4. — С. 128 – 136.
24. Эрдэнэт // Legend tour. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/regions/erdenet.shtm> (дата обращения: 22.08.2014).
25. Novgorodova E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamonova N. N. Ulangom. Ein skythenzeitliches Graberfeld in der Mongolei / Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens, 76. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.